

Он спросил:

— Ещё можешь встать?

Цзы Мин ответил, даже не задумываясь:

— Могу.

Вот как.

Дао Гуйчжоу теперь лишь сильнее утвердился во мнении, что малыш хорохорится.

Дао Гуйчжоу с трудом пошевелил рукой, обнял его, пытаясь помочь подняться:

— Напрягись немного... присядь, дай я посмотрю, где ты ранен.

Цзы Мин крайне послушно «напрягся».

Дао Гуйчжоу почувствовал, что его прижали ещё сильнее прежнего:

— ...

Он беспомощно вздохнул:

— Цзы Мин, ты часом не издеваешься надо мной?

Голос Цзы Мина прозвучал на удивление невинно:

— Младший дядя-наставник, вы меня наговариваете.

Одной рукой Дао Гуйчжоу прижимал его к себе, а другая рука Цзы Мина оказалась прижата под ним. Их поза была донельзя двусмысленной, но Дао Гуйчжоу сейчас совсем не думал о всяких глупостях — слегка нахмурившись, он был целиком поглощен мыслями о том, что Цзы Мин говорил о собственных ранах.

Онемела целая половина тела...

Насколько же это серьёзно?

И даже при таком раскладе он всё ещё хорохорится и пытается делать вид перед ним, будто ничего не случилось...

Дао Гуйчжоу казалось, что его сердце сейчас разорвётся на куски.

Ой-вей-вей.

Ну почему его домашний малыш вызывает такую жалость?

[...Знаешь, когда ты издаешь эти причитания абсолютно бесстрастным тоном, это выглядит чертовски жутко.]

Дао Гуйчжоу: Можешь выбрать опцию «проваливать», тогда ничего не услышишь.

Система тут же умолкла.

Дао Гуйчжоу погладил Цзы Мина по голове:

— Тогда лежи пока.

Услышав эти слова Дао Гуйчжоу, Цзы Мин, однако, потерял всякий интерес.

Взгляд его глаз, прятавшихся в изгибе шеи Дао Гуйчжоу, был пугающе тусклым, но движения остались прежними — Дао Гуйчжоу не заметил ни малейшей фальши.

Он лениво вытащил другую руку:

— Кажется, уже лучше.

Цзы Мин приподнял своё тело, прислонившись к стене, и из-за этого движения Дао Гуйчжоу снова всем корпусом навалился на него.

Но поскольку двигался он медленно, у Дао Гуйчжоу было время выровнять равновесие, благодаря чему он не врезался в Цзы Мина напрямую.

Дао Гуйчжоу мысленно удивился, почему Цзы Мин так быстро пошёл на поправку, однако всё же опустился на колени рядом с ним, перехватил его запястье и, пустив в ход слабеющую циркулирующую в теле духовную силу, направил её внутрь, чтобы проверить, нет ли у Цзы Мина внутренних повреждений.

Он держал Цзы Мина за запястье, но из-за вялости ци он немного отвлёкся.

Запястье у Цзы Мина было тонковато.

Происхождение персонажа в оригинальном романе всегда описывалось тяжело и трагично.

Именно поэтому Дао Гуйчжоу неизменно жалел его чуть сильнее остальных.

Так было и тогда, когда он выпросил у хозяина постоянного двора лишний стул, и когда выказывал к нему больше снисходительности, и когда старался лишний раз не строить догадок о его прошлом. Даже сейчас, попустительствуя этим телесным контактам, он просто хотел подарить ребёнку капельку тепла.

Читая ту книгу в современном мире, Дао Гуйчжоу часто думал об одном.

Будь он персонажем романа, окажись он рядом с Цзы Мином, он непременно сказал бы ему, что этот мир состоит не из одного лишь мрака, который тот видит и чувствует — в местах, куда не падает взгляд и куда не доходит внимание, тоже таится немного тепла.

Если эта доброта покажется слишком слабой и не сможет разогнать тучи в его сердце, он готов стать лучиком света, принадлежащим только ему.

В конце концов,

Разве он не его папа? (да?)

Поэтому Дао Гуйчжоу спросил:

— Болит?

Цзы Мин слегка склонил голову:

— На самом деле терпимо.

Духовная сила Дао Гуйчжоу уже проникла в тело Цзы Мина. Сначала ему казалось, что мальчик преувеличивает, но, ощутив бушующие внутри чужие потоки ци, он крепко нахмурился.

Внутренние повреждения были вызваны пламенем того огненного демоненка, но и это было еще полбеды: стоило достичь Стадии Очищения Ци, как внутренняя энергия начинала восстанавливаться сама собой.

Дао Гуйчжоу вовремя отозвал свою ци, не давая ей усугубить состояние меридианов Цзы Мина, и вздохнул:

— Точно не болит? Я-то думал, если болит, можешь присесть ко мне на колени, так будет полезут.

Правда ли это или нет, Дао Гуйчжоу не знал. Он лишь помнил, что раньше стоило малышам где-нибудь удариться, как им сразу требовалось объятие и поцелуй старших, чтобы всё прошло.

Его собственный ребёнок тоже заслуживал подобного отношения.

Цзы Мин чуть приподнял бровь, после чего в уголке его рта выступила алая капля крови. Он небрежно стер её тыльной стороной ладони, а на лице по-прежнему застыло невозмутимое выражение — будто и не по его телу только что прошлись сокрушительные волны чужой духовной силы, оставив после себя хаос.

Такая невозмутимость и хладнокровие и впрямь повергли Дао Гуйчжоу в шок.

[Погляди на других и погляди на себя.]

Дао Гуйчжоу: ? Ты чего опять вылезла?

[Вылезла посмотреть, насколько твой малыш стойкий, а заодно припомнить, как в прошлый раз ты голосил и заливался слезами, стоило тебе лишь слегка поцарапать тыльную сторону ладони. Ха.]

Дао Гуйчжоу: ?

Цзы Мин тихо произнес:

— Да в общем-то и не нужно.

Он моргнул, уголки его губ слегка приподнялись — улыбка вышла едва заметной, но очень красивой, отчего его черты лица чуточку смягчились:

— Младший дядя-наставник, есть и другие способы унять боль.

Дао Гуйчжоу склонил голову набок:

— Какие?

Цзы Мин обронил фразу: «Прошу прощения за дерзость», затем приподнял руку, прижал ту ладонь Дао Гуйчжоу, которую тот только что отвел вместе с ци, расставил пальцы и понемногу вплел их между его пальцев.

Он переплел их пальцы. Холодные цепи сковывали их запястья, но от этого соприкосновения Дао Гуйчжоу почему-то обжёгся — по телу побежали мурашки.

Опустив взгляд на классический жест влюбленных, Дао Гуйчжоу подумал, что даже будь он девственником со времен сотворения мира, всё равно бы понял: атмосфера накалилась до предела.

Назло всему Цзы Мин в этот момент негромко усмехнулся:

— Раньше, в миру, я часто видел, как здешние дети вот так держатся за руки и играют. Младший дядя-наставник — мой старший, так что моё поведение и впрямь неподобающе.

Он смотрел на Дао Гуйчжоу, и в его глазах не было разочарования — напротив, это зрелище заставило сердце Дао Гуйчжоу растаять:

— Прости.

Заметив, что тот собирается отнять руку, Дао Гуйчжоу без колебаний сжал ладонь крепче, переплетая их пальцы вновь:

— Пусть я и твой старший, но если ты воспринимаешь меня как близкого друга, я буду только рад.

Его домашний малыш и впрямь вызывал слишком сильную жалость.

Раньше у него не было друзей, и сейчас друзей по-прежнему нет.

При такой его неразговорчивости, при привычке нести всё в одиночку, если бы рядом не оказалось его, не стали бы мальчика в будущем обижать все кому не лень?

Дао Гуйчжоу был готов превратиться в какой-нибудь брелок, повеситься на Цзы Мине и повсюду следовать за ним, разгребая любые его неприятности.

Цзы Мин слегка опустил веки:

— Наверное, всё же не стоит.

Тихо добавил он:

— У дяди-наставника и без того слишком много друзей.

Во Внутреннем Пике не было человека, который не знал бы Дао Гуйчжоу.

Даже такой холодный, бесчувственный и следующий путем безэмоциональности наставник оставлял для него уголок мягкости.

Если бы Дао Гуйчжоу заявил, что в этом мире каждый — его друг, Цзы Мин бы тоже поверил.

— И то верно, — честно признал Дао Гуйчжоу. — Но ты — другое дело, ты...

[Дзынь — Внимание, предупреждение, внимание —]

Дао Гуйчжоу вовремя прикусил язык. Проявив снисходительность к детскому бунтарству, он не стал произносить фразу вроде «потому что ты мой малыш».

Вместо этого он сказал:

— Ты мой сородич по секте, племянник, я непременно буду любить тебя и защищать. Если бы здесь находился И Цин, и вы поменялись бы местами, я бы, пожалуй, волочил его за собой, выдумывая способ выяснить, где мы застряли, и как отсюда выбраться.

Цзы Мин слегка приподнял брови, в его угольно-черных глазах мелькнули нотки интереса и насмешки:

— Любить и защищать? Младший дядя-наставник говорит всерьез?

Дао Гуйчжоу кивнул:

— Разумеется. Если лгу, можешь делать со мной что хочешь.

Цзы Мин облизал губы, и улыбка стала чуть глубже — казалось, будто Дао Гуйчжоу наконец удалось его позабавить:

— Младший дядя-наставник, я запомнил.

Успокоив ребенка, Дао Гуйчжоу тоже сосредоточился и начал всерьез думать над выходом.

Меридианы Цзы Мина исцелялись сами собой. Поскольку у него было тело чистого ян, таинственный огонь огненного демоненка хоть и ранил его, но не критично — напротив, это можно было назвать своеобразной скрытой тренировкой. Пережив перерождение меридианов и поглощая духовную силу пламени...

Стоп?

Дао Гуйчжоу вдруг кое о чём вспомнил.

Раз уж речь зашла о перерождении меридианов, делающем их крепче, и об укреплении «плоти».

Дао Гуйчжоу вспомнил, что в оригинальном романе Цзы Мин заполучил в городе Линьси одну бусину по имени Плавкая Бусина.

Эта бусина... станет одной из ключевых причин, почему Цзы Мин в будущем падёт во Тьму.

Все твердили, что у Цзы Мина тело чистого ян, невосприимчивое к нечисти и демонам.

Однако существовало и другое изречение: излишняя твердость ведет к слому.

Когда Цзы Мин сбился с пути и поддался демонической сущности, по идее, требовалось нечто иньское для нейтрализации, но у него под рукой оказалась лишь Плавкая Бусина, которая к тому же затаила на Цзы Мина обиду...

Уничтожить Цзы Мина бусина не могла, зато она ускорила его падение во Тьму и вдобавок подарила ему бонус — новое свойство: Чёрное Пламя.

Дао Гуйчжоу прекрасно помнил описания из текста: куда ступало Чёрное Пламя, там не оставалось ни травинки.

Какими ещё конкретно функциями обладало Чёрное Пламя, Дао Гуйчжоу уже призабыл — всё-таки столько времени прошло.

В общем, вещь была поистине имбовой.

И раз уж Дао Гуйчжоу вознамерился помешать Цзы Мину почернеть, первая ключевая задача прямо сейчас стояла перед его глазами.

[Дзынь — Поздравляем хоста с активацией задания [Плавкая Бусина]. Цель задания: сделать так, чтобы главный герой в итоге не заполучил Плавкую Бусину.]

Дао Гуйчжоу: ...Честно говоря, активация у тебя какая-то рандомная.

[Ой, да потому что никакой системы изначально и не было.]

Дао Гуйчжоу: Пшел вон, сечёшь?

Как бы то ни было, Дао Гуйчжоу действительно придётся выполнить это задание.

Он покосился на Цзы Мина:

— Как твои меридианы?

— Ничего страшного. — Цзы Мин поднялся, опираясь на стену, по-прежнему непринужденный и расслабленный, словно происходящее было для него пустяком, недостойным называться даже неприятностью.

Дао Гуйчжоу вытерпел раз, вытерпел два, но в конце концов не выдержал:

— Хватит хорохориться.

Он замолк на секунду:

— И не пытайся меня обмануть. Мои глаза — пронзающие ложь золотые зеркала, равных им нет под небесами.

Цзы Мин чуть приподнял бровь, не подтверждая и не опровергая, лишь ответил:

— Младший дядя-наставник, я бы не стал вас обманывать.

Только после этого Дао Гуйчжоу остался доволен.

Он размял кости и обнаружил, что, несмотря на столь тяжелые ранения Цзы Мина, сам он отделался лишь легким испугом.

Неужели это Цзы Мин защитил его?

Дао Гуйчжоу припомнил, как каждый раз Цзы Мин заслонял его собой.

И тогда расслабленная хватка Дао Гуйчжоу на руке Цзы Мина чуть-чуть усилилась.

Ах.

Его малыш так хорош...

В любой ситуации первым делом защищает его.

Ой-вей-вей.

Вот она, великая отеческая любовь.

В этот момент в новом мире Дао Гуйчжоу внезапно понял, почему люди вокруг так любят хвастаться своими папашами.

Сумеет ли перенестись обратно, он бы наверняка принялся хвастаться перед всеми своим ребёнком.

Ощувив, что сжимающая его руку хвастка стала крепче, Цзы Мин невольно скосил глаза и приподнял бровь:

— Дядя-наставник?

Дао Гуйчжоу отмахнулся, оглядывая темную секретную комнату, где они оказались заперты:

— Думаю, как выбраться.

— Вот как, — легко усмехнулся Цзы Мин. — А я-то думал, вы обнаружили что-то такое, от чего дядя-наставник так напрягся.

Его длинные пальцы легонько скользнули по тыльной стороне ладони Дао Гуйчжоу:

— А ладони-то вспотели.

□□□□□□□□□□□□□□□□

Цзы — Обладатель трёх премий «Золотой Цзинь» — Мин.

Держатся за ручки, хе-хе-хе.

Продолжаю кланчить добавления в избранное, комментарии и живительную жидкость

питательных элементов _(:з[]∠)_

Спасибо маленьким ангелочкам, которые присылали мне драгоценные билеты или поливали питательной жидкостью в период с 2020-08-17 10:01:56 по 2020-08-18 09:50:47~

Спасибо маленьким ангелочкам, поливавшим питательной жидкостью: Смертный грех Пина и Сэ 3 бутылки; а, А Шэншэн 1 бутылка;

Огромное спасибо всем вам за поддержку, я буду стараться дальше!

.

Расслабление

Дао Гуйчжоу:...

Потеют? Вс-спотели?

Если бы Цзы Мин не заикнулся, он бы и не заметил.

Из-за нестабильности духовной души он страдал легким недомоганием: хотя до слабости с кашлем от каждого третьего шага дело не доходило, у него была типичная непереносимость холода и склонность к отсутствию потливости.

Честно говоря, жарко Дао Гуйчжоу не было.

И никакой особой нервозности он за собой не замечал.

Но ладони у него действительно были насквозь мокрыми.

Он впервые за долгое время почувствовал неловкость — хотя сам толком не понимал, с чего бы ему смущаться.

Инстинктивно он попытался высвободить руку, но Цзы Мин произнес:

— Ничего страшного.

И тихо спросил:

— Младший дядя-наставник не желает?

Дао Гуйчжоу ничего не принимал — ни кнутом, ни пряником, но вот на уловки Цзы Мина покупался безоговорочно:

— ...Желаю.

Дао Гуйчжоу создал на ладони огонёк, мгновенно осветивший всё помещение.

Тут он заметил масляную лампу, вмонтированную в стену неподалеку, перекинул на неё огонь и наконец отпустил руку.

В комнате не было никакой диковинной утвари — небольшая, без намека на дверь, лишь в углу стоял письменный стол с лежавшими на нем письмами.

Столь очевидную зацепку Дао Гуйчжоу, разумеется, упускать не собирался.

Он уже было собрался поддержать Цзы Мина, как тот сам уверенно шагнул вперед и твердой походкой направился к столу.

Дао Гуйчжоу: ?

Разве секунду назад он не харкал кровью?

Неужели это и есть то самое главное преимущество героя?

Моё почтение, моё почтение.

Они вскрыли первое письмо, на котором размашистым почерком было выведено длинное послание —

[А-Цин, я же давно говорил тебе, что наши с тобой отношения — не то, что можно выставлять на свет. Знаю, тебе не нравится слышать подобное, но со стороны это выглядит нездорово. Больше не веди себя так со мной на людях, особенно в присутствии него... Он не должен знать об этом и не должен подвергаться таким потрясениям. Я знаю, ты дорожишь им, и он дорожит тобой. Я вечно завидую вашей дружбе и надеюсь, что из-за меня вы не отдадитесь друг от друга.]

А-Цин?

Но ведь огненный демон отчетливо назвал ту девушку Вань-Вань?

Впрочем, если подумать...

Дао Гуйчжоу слегка нахмурился: кажется, ключевую героиню арки про Плавкую Бусину звали Хэ Ваньцин?

Неужели та девушка?

Дао Гуйчжоу: Эй, подъем, работать пора.

[? Мне не нужно спать.]

Дао Гуйчжоу: Помоги освежить сюжет в памяти, ту девицу случайно не Хэ Ваньцин звали?

[...Вынужден огорчить: я всего лишь Система самоспасения Небесного Пути, а не твой золотой палец. Напротив, в определенном смысле я твой отец.]

Дао Гуйчжоу: Чей отец?

[...Ты мой отец.]

Система сдалась с удивительной быстротой: [Но зато я могу подкинуть подсказку, которую еще помню: в ту эпоху в письмах не различали местоимения он, она и оно.]

Дао Гуйчжоу: ?

Что за мусорная подсказка?

Эта паршивая система решила до конца придерживаться своего амплуа?

Дао Гуйчжоу вновь ощутил приступ досады из-за бесполезности системы, но всё же принял из рук Цзы Мина второе письмо.

[А-Цин, я же повторял тебе столько раз: не стоит вечно подшучивать над ним, ты должен уступать ему. Нравится ему та бумага — так отдай, в конце концов, она куплена на твои деньги. Я сам раскошелюсь и куплю тебе кое-что получше... Ты знаешь про Бумагу Сердечного Единства? Говорят, её создали небожители: стоит записать имена двоих, как они свяжут свои судьбы навек. Знаю, прочитав это, ты наверняка высмеешь меня, но я всё равно питаю надежду... Я часто мечтаю о том, как однажды мы сможем взяться за руки и открыто поздороваться со всеми, а не шептаться о чувствах впотьмах. Впрочем, ты наверно опять назовешь меня сентиментальным и скажешь, что я слишком много думаю.]

Дао Гуйчжоу слегка наклонил голову, и сердце кольнуло смутное сомнение.

Хэ Ваньцин — младшая сестра, так почему ей нужно уступать старшему брату?

У её брата что, проблемы со здоровьем? Но она же сама говорила, что её брата заживо сожгли в том пожаре.

Не успел Дао Гуйчжоу додумать эту мысль, как Цзы Мин протянул ему третье письмо.

[А-Цин, мне всё кажется, что в последнее время он что-то заподозрил: глядя на меня, он вечно хочет что-то сказать, но замолкает. Я знаю, он хороший ребёнок, и даже если узнал о нас с тобой, он ни за что не станет болтать повсюду и даже прикроет нас. Но... неужели такого будущего мы для себя хотели? Мы изначально не должны были втягивать в это посторонних. Твои родные очень любят тебя, тебе следует выбрать их, а не меня.]

Пальцы Дао Гуйчжоу легли на подбородок, подушечка указательного пальца задумчиво потерла щеку:

— Любовь между учителем и учеником... неужели мирское общество настолько её не принимает?

Движения Цзы Мина, вскрывавшего конверт одной рукой, на секунду замерли, и он бросил взгляд на Дао Гуйчжоу:

— Младшему дяде-наставнику всё равно?

— Ну да, — Дао Гуйчжоу сложил бумагу пополам. — Чувства — личное дело двоих, посторонним судить не положено.

Он на мгновение замолк:

— К тому же, я задал вопрос не ради философии. Мне просто кажется, что эти письма какие-то странные. Словно... их писали вовсе не той девушке.

— Если они написаны не ей, то кому же? — в этот момент потайная комната наполнилась скрежетом механических шестеренок.

Следом каменная стена недалеко от них плавно отъехала в сторону, и из прохода показалась та самая девушка в красном платье. На её лице всё так же лежала печать тоски; некогда яркие и прекрасные глаза теперь заволокло мертвенным тусклым блеском.

Из-за этого весь её облик казался мрачным и угрюмым.

Дао Гуйчжоу:

— Хэ Ваньцин?

Девушка на мгновение замерла:

— Да... уже столько времени прошло с тех пор, как кто-то звал меня так.

Пусть Дао Гуйчжоу и не помнил, какое именно испытание выпало на долю Цзы Мина и остальных в город Линьси в оригинале, по обрывкам писем и поведению Хэ Ваньцин он мог примерно восстановить картину.

Однако эта восстановленная история была не только расплывчатой, но и содержала детали, вызывавшие у Дао Гуйчжоу массу вопросов.

Тут Цзы Мин внезапно спросил:

— Кем ты приходишься этому господину?

Хэ Ваньцин опустила взгляд; на её лице не было ни тени смущения — лишь глубокая печаль:

— Ровно так, как написано в письмах: мы с ним... давным-давно связали друг друга клятвами.

— А как звали твоего брата? И каким человеком он был? — холодно осведомился Цзы Мин. — Ты ведь не забыла?

Хэ Ваньцин широко раскрыла глаза, уставившись на Цзы Мина, и в её выражении наконец проскользнула паника:

— Я...

Дао Гуйчжоу в недоумении переводил взгляд с одного на другого, мысленно рисуя огромный вопросительный знак.

Может кто-нибудь объяснить ему, что здесь вообще происходит?

Он чувствовал себя полнейшим дураком.

До сих пор он считал себя умнейшим... кхм, ладно, не умнейшим.

Он был уверен, что его интеллект и ум превосходят всех под небесами, но сейчас он напрочь отказывался понимать, о чём толкует Цзы Мин.

Точнее, дело было не в том, что он не понимал слов — он просто не улавливал, с какой стати Цзы Мин задает подобные вопросы, а реакция Хэ Ваньцин и вовсе выбивала почву из-под ног.

[А ты знаешь почему?]

Дао Гуйчжоу: Почему же?

[Вспомни-ка хорошенько: сколько раз за три года после попадания в этот мир ты заявлял, что ты «первый под небесами», «лучший в мире», и что происходило после этого?]

Дао Гуйчжоу:... В жизни всегда есть место маленьким неожиданностям.

[? Ты называешь это маленькой неожиданностью? Спроси-ка эту неожиданность, согласна ли она?]

Дао Гуйчжоу решительно проигнорировал её и умолк.

Разговаривать в одиночку было скучно, поэтому система тоже автоматически перешла в беззвучный режим.

Цзы Мину опустил последнее письмо и скосил взгляд на Хэ Ваньцин. Улыбка в его глазах успела опасть и стала пугающе ледяной:

— Я могу позволить тебе вновь повидаться с твоим братом и тем господином.

<http://bllate.org/book/19500/1912542>